

ЭМИЛИ УИББЕРЛИ
ОСТИН СИГМУНД-БРОКА

НАВЕКИ Не твоя

Для всех
поклонников
Дженни Хан
и Кейси Уэст

18+

Молодежный роман

Остин Сигмунд-Брока

Навеки не твоя

«Издательство АСТ»

2018

УДК 821.111-31.73
ББК 84(7 Сое) 44

Сигмунд-Брока О.

Навеки не твоя / О. Сигмунд-Брока — «Издательство АСТ»,
2018 — (Молодежный роман)

ISBN 978-5-17-116763-9

Меган Харпер не понаслышке знает, что такое разбитое сердце. Семь раз она влюблялась, и семь раз ее бросали ради другой девушки. Меган привыкла оставаться за кулисами – и в жизни, и на сцене школьного театра. Поэтому, когда она внезапно получает главную роль в постановке «Ромео и Джульетта», это грозит обернуться катастрофой. И делу совсем не помогает то, что Ромео – ее бывший парень, безумно влюбленный в лучшую подругу Меган. Но ей надоело играть второстепенные роли в собственных любовных историях. Когда в театре появляется красавчик Уилл, Меган настроена завоевать сердце парня раз и навсегда. Для этого она заключает сделку с его лучшим другом Оуэном: в обмен на помощь с новой пьесой Оуэн поможет ей влюбить в себя Уилла. Сможет ли Меган наконец стать для парня «той самой» – или окажется с разбитым сердцем в восьмой раз?

УДК 821.111-31.73
ББК 84(7 Сое) 44

ISBN 978-5-17-116763-9

© Сигмунд-Брока О., 2018
© Издательство АСТ, 2018

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	19
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Эмили Уибберли, Остин Сигмунд-Брока

Навеки не твоя

Нашим родителям

Emily Wibberley, Austin Siegemund-Broka
Always Never Yours

* * *

Публикуется с разрешения авторов и их литературных агентов, Donald Maass Literary Agency (США) при содействии Агентства Александра Корженевского (Россия)

Copyright © 2018 by Austin Siegemund-Broka and Emily Wibberley
© Д. Алюкова, перевод на русский язык, 2019
© ООО «Издательство АСТ», 2020

Глава 1

Ромео:

Любовь-то штука нежная? Она

Груба, свирепа, зла, колюча как репейник.

Меркуцио:

Грубит любовь – так сам груби ты ей¹.

– Весь мир – театр...

Брайан Андерсон уродует эту реплику. Я пытаюсь услышать позерство и почти что маниакальность, вложенные в нее Шекспиром, но от них нет и следа. Он с грехом пополам изображает английский акцент, совершенно не соблюдая пятистопный ямб.

– Давайте-ка прервемся на секунду, – перебиваю я, вставая и расправляя складки на джинсовом платье.

– Меган, можем мы хоть одну сцену пройти целиком? – ворчит Брайан.

Я бросаю на него быстрый взгляд и выхожу в центр импровизированной сцены, которой сегодня служит холм неподалеку от театрального класса. Наша учительница театрального искусства, мисс Хьюитт (которую все называют просто Джоди), отправила нас на улицу репетировать любую шекспировскую сцену на выбор. И под «отправила» я подразумеваю «выгнала за дерзость». Я выбрала этот холм как место репетиции, потому что подумала, что здешние сосны напоминают лес из «Как вам это понравится»².

Теперь я осознала, как это было глупо.

– Мне кажется, мы не понимаем, о чем думают персонажи, – говорю я, не глядя на Брайана и обращаясь к группе. Нас тут всего четверо, идет середина шестого урока. У Джереми Хэндлера, стоящего рядом с Брайаном, на лице отчаяние, а Кортни Грин равнодушно строчит эсэмэску.

– Орlando, – поворачиваюсь я к Джереми, – в целом хороший парень. Он только потому хочет украсть у Герцога, чтобы помочь своему другу. А Жак...

Я запинаясь. Зеленое пятно привлекает мое внимание; это футболка Стиллмонт Хай. Бицепсы, которыми невозможно не восхищаться, выглядывают из рукавов. Волна каштановых волос, вечная ухмылка... Боже мой, как же мне хочется подойти и пококотничать с Уайяттом Родсом.

Он крутит в пальцах разрешение на выход из класса, не спеша направляясь в сторону туалетов. Он выбрал хороший туалет, замечаю я. Просторный, уединенный, потому что он не рядом со шкафчиками. Идеально подходящий для того, чтобы там целоваться. Я могла бы подойти, похвалить его впечатляющие бицепсы, отвести в этот туалет и...

Но не сейчас. Если что и может удержать меня от флирта, то это постановка пьес Шекспира, а выкладываясь я в этом деле на полную катушку.

– А Жак, – повторяю я, снова вживаясь в роль режиссера.

– Ладно тебе, Меган, – встречается Брайан. – Эта сцена даже не идет в зачет. Джоди плевать. Она просто хотела нас выгнать из комнаты. И ты сама знаешь, что все сейчас рассеянно.

¹ Здесь и далее цитируется трагедия Уильяма Шекспира «Ромео и Джульетта» в переводе А. А. Григорьева.

² Комедия Уильяма Шекспира, предположительно созданная в 1599 или 1600 году.

Я открываю рот, чтобы возразить, что важна каждая сцена, когда раздается голос:
– Меган!

Я поворачиваю голову и вижу свою лучшую подругу, Маделайн Хект, бегущую вверх по холму, ее идеальный рыжий хвостик болтается сзади, а веснушчатые щеки покраснели от волнения.

– Я только из библиотеки, – продолжает она со сбившимся дыханием – Маделайн на шестом уроке работает добровольцем в зале учебной литературы. – И когда я проходила мимо театрального класса, то увидела, как Джоди вешает список ролей!

Услышав это, мои актеры роняют свои сценарии и исчезают за углом, явно направляясь к доске объявлений у входа в Центр искусств. Не пытаюсь подавить улыбку, я собираю сценарии.

Я режиссер, а не актриса, так что список ролей меня не так будоражит и пугает, как остальных одноклассников. Но в этом году мне предстоит дебют на сцене Стиллмонт Хай в одной из самых маленьких ролей в «Ромео и Джульетте», пьесе осеннего семестра. Думаю, это будет синьора Монтеки или брат Джованни.

Я бы и не стремилась играть, если бы моей мечтой не было поступить в Театральный институт Южного Орегона. Это для Запада Америки как Джульярдская школа³, с одной из лучших программ по режиссерскому искусству в стране. Неизвестно почему, но у них есть условие: что каждый студент театрального факультета должен в резюме иметь сценическую роль – требование, которое я хочу выполнить, прилагая минимум усилий.

– Прогуляешься со мной? – спрашиваю я Маделайн.

– Само собой! – Она спешно забирает половину сценариев из моей стопки, так как привыкла при любой возможности всем помогать.

И в этот самый момент Уайятт Родс выходит из туалета. Я наблюдаю, прикусив губу, как он идет, высокий и уверенный. С моего расставания с предыдущим парнем прошло шесть месяцев. Пора переходить к следующему. Точнее, *давно* уже пора!

– Подожди здесь, – говорю я Маделайн.

– Меган...

Я не обращаю на нее внимания – я изголодавшийся по парням мотылек, который летит на огонь в футболке. Я рада, что утром потратила дополнительные десять минут на то, чтобы расчесать свои неизбежно путающиеся, длинные каштановые волосы. Я знаю, что у меня нет природной красоты Маделайн, но я не сказала бы, что *янекрасивая*. Полагаю, я что-то среднее. Ноги у меня ни короткие, ни длинные. Лицо не круглое, но скорее *кругловатое*. Фигура не как у любительницы бургеров, но и не как у девушки, которая выходит на пробежку чаще раза в год.

Уайятт не замечает меня, увлеченный перебрасыванием разрешения на выход из одной руки в другую. Я зову его тренированным, отшлифованным голосом обольстительницы.

– Эй, Уайятт! – Я показываю рукой на его выраженные бицепсы. – А пресс у тебя такой же классный, как руки?

Не лучшая моя идея. Я давно не флиртвала. Честно говоря, это для меня что-то вроде обязательного пункта списка желаний на годы старшей школы – потискаться с действительно, действительно классным прессом, ну и с прилагающимся к нему парнем. И пока, спустя семь парней, среди которых были и спортсмены, и театралы, безуспешно.

Уайятт широко улыбается. Поверить не могу, что еще его не заадрала. То, что он великолепен, было понятно с самого начала старших классов, и мы флиртуем далеко не впервые. На первый взгляд не кажется, что из него получится идеальный бойфренд, но его сексуальность *обязана* предполагать и богатство внутреннего мира. Я так и вижу, как мы сидим, долго и вдумчиво беседуя за капучино...

³ Одно из крупнейших американских высших учебных заведений в области искусства и музыки. – *Здесь и далее примечания переводчика.*

– Только в те дни, когда я на завтрак съедаю одно буррито, а не два, – гордо отвечает Уайятт.

Ладно, *недолго* беседа за капучино.

– Сегодня как раз такой день, – продолжает он. – Но ты не обязана верить мне на слово, – он соблазнительно оглядывает меня без малейшего удивления в голосе.

Не только потому, что он Уайятт Родс и знает о своей привлекательности. А потому, что у меня репутация прямолинейной девушки. Откровенной. Несдержанной. Не секрет, что у меня было семь парней, и я этого не стесняюсь. Я с удовольствием добивалась звания «главной кокетки класса».

Я уже хочу сказать, что принимаю предложение Уайятта, как чувствую на локте чью-то хватку.

– Пока, Уайятт, – нарочито громко прощается Маделайн, – нам надо в класс. – Она утягивает меня прочь от него, и низким (если не сказать – недовольным) голосом произносит: – О чем мы говорили, Меган? Уайятт Родс в черном списке. – Она медлит, а потом добавляет: – Он *первый* в черном списке.

– Нет, – отвечаю я, – директор Стоун первый.

Маделайн раздраженно вздыхает.

– Ну ладно. Уайятт точно тогда второй. Ты сама его туда поместила, забыла? После того, как он в десятом классе на уроке английского спросил, какую книгу написала Джейн Эйр.

Я угрюмо киваю.

– А еще он ответил в опроснике для выпускного альбома, что его любимая книга – «Форсаж-7».

– Ты себе найдешь парня получше, чем Уайятт. Просто не торопись, – заверяет она меня, пока мы спускаемся с холма к Центру искусств. – Как ты думаешь, у Тайлера же нет конкурентов на роль Ромео, правда?

Тайлер Даннинг – парень Маделайн. Он с группой ребят как раз начинал репетировать «Макбета», когда Джоди выгнала нас.

– Конечно, нет, – легко отвечаю я.

Тайлер – лидер во всех отношениях. Высокий, широкоплечий, с темными кудрями – он очень сексуальный. Он играет в бейсбол весной и при этом умудряется заполучить главные роли во всех театральных постановках. С его харизмой и всеобщей популярностью Маделайн они точно главная пара Стиллмонт Хай.

– На кого у тебя прослушивание? – спрашивает Маделайн.

– Синьора Монтекки.

Она морщит нос.

– Кто это вообще?

– Вот именно, – ухмыляюсь я. – Это самая маленькая роль во всей пьесе.

Я ожидаю увидеть толпу у доски объявлений, когда мы заворачиваем за угол. Чего я не ожидаю – так это что все вдруг замолчат. Я замечаю на себе взгляды и слышу шепотки.

– Вы, ребята, ни капельки не странные, – бормочу я, пытаюсь звучать саркастически, несмотря на возрастающее беспокойство. Такое молчание мне знакомо. Это молчание тех, кому ролей не досталось, когда под пристальными взглядами к эшафоту отправляются твои надежды попасть в пьесу. Впервые я чувствую то, что, должно быть, ощущали мои одноклассники, когда вывешивались списки ролей. Мой пульс ускоряется, дыхание из-за нервов учащается. Я живо представляю вежливые письма с отказом от Театрального института Южного Орегона, безрадостные визиты в другие колледжи зимой. Хотя я и не актриса, эта роль мне необходима.

Я приближаюсь к списку с бешено колотящимся сердцем и напряженно ищу свое имя в конце списка, где перечислены небольшие роли. Синьора Монтекки...

Я веду пальцем по соответствующей строчке. *Алисса Санчез*. Мое сердце замирает. Алисса была явной фавориткой на роль Джульетты. Джоди безжалостна. Дать ей эту роль – как ударить.

Читая список снизу вверх, я все никак не вижу своего имени. *Брат Джованни, Кормилица*... Глазам своим не верю. Даже после того, как я объяснила Джоди свою ситуацию, она меня подставила.

И тут я дохожу до верха списка.

Глава 2

Князь:

Печальнее не слыхано на свете

Сказанья о Ромео и Джульетте.

– Это какая-то ошибка, да? – За считанные секунды я протолкнулась сквозь толпу и распахнула дверь в кабинет Джоди. – *Джульетта?*

Я слышу, как что-то со звоном падает на пол. Кабинет Джоди выглядит как чердак, набитый сувенирами с каждой постановки в Стиллмонт Хай. Здесь афиши, реквизит и даже фрагменты декораций рассованы по полкам. Что-то похожее на медную дверную ручку катится по полу передо мной.

Джоди встает из-за стола, крупные бусины из бирюзы перестукиваются на ее шее.

– Ты недовольна, – отмечает она, рассматривая меня через свои ярко-красные очки. Они выглядят еще ярче на фоне ее седых волос. – Я думала, ты обрадуешься.

Я чувствую, как на плечи опускается груз. От нервозности в животе разверзается дыра.

– Это не ошибка? – спрашиваю я слабо. – Это не Энтони надо мной подшутил, и это не опечатка неумелого девятиклассника, которого вы попросили напечатать список?

– Нет, неумелая здесь только я, – говорит Джоди с оттенком усмешки.

– Я проходила прослушивание на роль синьоры Монтекки, а не на главную! – Я едва удерживаюсь от истерики.

Она поднимает бровь без улыбки.

– Ну, ты получила главную, – говорит она ровно.

– Почему? Я не хочу. Не могу. Можно я буду кем-то другим? Кем угодно? – Я знаю, что звучу жалко.

– Ты просто нервничаешь, Меган. – Джоди скрещивает руки на груди, но тон ее смягчается. – Только на твоём прослушивании, да еще у Энтони Дженсона, чувствовалось истинное понимание материала. Я видела, как ты режиссировала шекспировские пьесы ранее, и знаю, что ты понимаешь пьесу. Ты Джульетта, хочешь ты этого или нет.

– Джоди, прошу, – теперь я действительно звучу умоляюще. – Вы же знаете, что я пришла на прослушивание только потому, что ТИЮО требует иметь такую строчку в резюме. Я никогда в жизни не играла на сцене.

– Это будет полезный опыт. Я не жду, что ты получишь премию «Тони», – говорит Джоди.

– Ну, вы же не хотите, чтобы пьеса «Ромео и Джульетта» стала комедией? Нет? Тогда...

– Меган, – она резко обрывает меня. – Ты прошла прослушивание. Ты получила роль Джульетты. Соглашаться или нет – дело твое, но все остальные роли уже заняты.

Я знаю, что выбора нет – и Джоди тоже это знает. Уже конец сентября. Постановка – мой последний шанс получить роль на сцене перед тем, как подавать заявление в колледж в декабре.

– Вам это не понравится. – Я раздраженно вздыхаю и тянусь к двери.

Едва шагнув из кабинета Джоди, я впечатываюсь во что-то твердое и плоское.

– Оу, – слышу я голос сверху.

Ну конечно. Я делаю шаг назад и вижу ухмылку Тайлера на внушительной высоте сто семьдесят сантиметров, или сколько там.

– Привет, Джульетта, – говорит он, и его глубокий голос производит на меня такой эффект, который, честно говоря, я бы не хотела испытывать. – Это немного неловко, а?

Тут меня осеняет. Тайлер – Ромео. А я – Джульетта.

Я быстро прихожу в себя.

– Идеально, мы с тобой в ролях тех, кому не суждено быть вместе.

Он смеется и поворачивается лицом к Маделайн, которая подошла и встала рядом с ним.

Не то чтобы это было важно, но мы с Тайлером встречались в прошлом году. А теперь нет. Теперь он с Маделайн, но я не ревную и не обижаюсь. В каком-то смысле я этого ожидала.

Откровенно говоря, нелюбовь к актерству – это не единственная причина, почему я не хотела роль Джульетты. Другая причина в том, что я не Джульетта. Я не из тех девушек, которые остаются в центре сцены в финале любовной истории. Я предыдущая – та девушка, с которой парень встречается перед тем, как встретить свою истинную любовь. Все мои отношения заканчивались именно так.

Взять хотя бы Тайлера. Он единственный парень, в которого я почти даже влюбилась, и он бросил меня полгода назад, чтобы начать встречаться с моей лучшей подругой. Но я в порядке, правда. Все знают, что Тайлер и Маделайн созданы друг для друга. Кроме того, я к такому привыкла.

Это началось, когда мне было одиннадцать. Я только успела объявить Люси Реджис о том, что навеки влюблена в Райана Рейнольдса и мечтаю выйти за него замуж. И на следующий день мы узнали, что он женился на Блейк Лайвли. Не то чтобы это было настоящим примером. Но это было знамением.

Первый мальчик, которого я поцеловала (в седьмом классе), передал мне на уроке обществознания на следующий день записку, в которой сообщалось, что он собирается пригласить Саманту Вашингтон на выпускной. С тех самых пор они вместе. В девятом классе мой первый настоящий бойфренд изменил мне со своей соседкой, которой, как оказалось, была Люси Реджис. Они только что отметили свою третью годовщину.

Это случалось снова и снова. Это не «проклятие» или какая-то подобная ерунда, но это и не просто совпадение. Вот поэтому я и не могу себя представить Джульеттой, символом вечной любви в западной литературе. Если мир – театр, как писал Шекспир, то у меня второстепенная роль. Или я вообще за кулисами.

– Ты же не собираешься увести моего парня, правда? – дразнит Маделайн, обнимая Тайлера.

– Нет, это скорее по твоей части, – резко отвечаю я, не подумав.

Лицо Маделайн сразу же вытягивается, и я боюсь, что она в сотый раз расплечется. Когда Маделайн призналась мне в своих чувствах к моему *тогдашнему* бойфренду, пришлось обнимать и успокаивать ее два часа, прежде чем она перестала плакать от чувства вины. Это не было изменой – Маделайн настолько ответственная, что сказала мне даже до того, как призналась ему.

Это было больно, не стану скрывать. Но я знала, что так заведено. Я знала, что случится у нас с Тайлером. И понимала, что сделаю только хуже, если попытаюсь бороться с неизбежным. Уж лучше дать отношениям прекратиться, пока я не успела в него по-настоящему влюбиться.

Я поспешно кладу руку на ее плечо.

– Это глупая шутка, Маделайн, – говорю я ей. – Вы созданы друг для друга.

Она облегченно улыбается и прижимается к Тайлеру.

– Вы пойдете на вечеринку труппы? – спрашивает он.

– Где?

Вечеринки труппы организуют ученики-театралы в Стиллмонт Хай. Театр идет шестым уроком, но репетиции часто тянутся до пяти или шести вечера. Для каждой постановки труппа и команда выбирают одно место для пострепетиционных ужинов и вечеринок. Я только надеюсь, что это не у Тайлера дома.

– В Вероне, разумеется. – Он ухмыляется, будто это отличная шутка.

Я тяжело вздыхаю. Стиллмонт всего в часе пути от Орегонского Шекспировского фестиваля в Эшленде. Не случайно у нас один из самых сильных школьных курсов театрального искусства в штате, а то и в стране. Когда меня не заставляют играть самую знаменитую женскую роль в театре, я вообще-то очень рада, что у нас такой учитель, как Джоди, не говоря уже о финансировании отделения. Впрочем, к сожалению, в близости к Эшленду есть и минусы. А именно – непомерное обилие ресторанов с «шекспировской» темой. Пиццерия «Верона» – из худших.

Тайлер то ли не слышит, то ли делает вид, что не слышит. Он смотрит на Маделайн.

– Я тебя потом отвезу домой.

– Но мне нужно... – начинает она.

– Я знаю, – перебивает Тайлер, любовно потягивая ее за хвостик. – Балетное выступление твоей сестры. Я тебя вовремя привезу домой.

Я закатываю глаза. Смотреть на то, как они ведут себя, когда вместе, – самый быстрый, хотя не самый простой, способ задушить все чувства, которые у меня могли только оставаться к Тайлеру. Теперь, когда я смотрю на него, даже не могу представить его своим парнем – независимо от того, как его объективное соответствие некоторым стандартам мужской привлекательности*иногда* на меня влияет.

Они обмениваются быстрыми улыбками, выглядя как счастливая парочка из рекламы таблеток от импотенции.

Я бы их ненавидела, если бы не была за них так счастлива.

* * *

Я иду к ресторану пешком, а Тайлер вместе с Маделайн едут на машине. «Верона» всего в десяти минутах от школы – я бы туда могла ходить каждый день, если бы не считала это место отвратительным. Надеюсь, что самый верный способ избавить труппу от стремления собираться в «Вероне» – это один раз там поесть и отравиться.

С парковки я оглядываю вывеску, которая сегодня гласит: «Есть пиццу или не есть? Вот в чем вопрос». Я качаю головой. Бард⁴ бы вами гордился.

Внутри еще хуже. Деревянные панели кабинок перемежаются фресками детсадовского уровня качества, изображающими средневековые крепости и башни, среди которых нелепо порхают неуместные цитаты из «Ромео и Джульетты»: буквами трех разных размеров над автоматом с газировкой написано «А что такое имя?», и я прохожу мимо «Где там Ромео?», что над входом в галерею игровых автоматов. Да-да, там есть игровые автоматы, а цитата вообще с ошибкой. В книге точно «Где же Ромео?».

За большим столом в глубине ресторана тесно сидит вся театральная труппа, но когда я подхожу, Энтони Дженсон двигается, чтобы я могла сесть. У него в руках экземпляр пьесы, и как только я сажусь, он его открывает.

– Этот монолог великолепен, – произносит он через минуту.

– Э-э, какой именно? – Я склоняюсь к нему. У него точно важная роль, в этом я уверена. С тех самых пор, как он к нам перевелся в девятом классе, когда Джоди переманила его из школьного округа, где чернокожему актеру не давали главных ролей, у него в каждой постановке роли только крупные.

Он поднимает на меня взгляд, делая вид, что возмущен.

– Ты не посмотрела, кого я играю? – Он роняет сценарий на стол передо мной. Я читаю открытую страницу. Это монолог Меркуцио о королеве Маб. – Все считают, что лучшая мужская роль – это Ромео, – продолжает он с жаром, – но Меркуцио сыграть намного сложнее. У

⁴ Прозвище Шекспира в англоязычных странах.

него длинный монолог, сцена смерти... – он осекается. – Что я такое говорю? Я же разговариваю с Джульеттой!

– И не напоминай, – ворчу я.

Он смотрит на меня с сочувствием.

– Ты справишься, Меган. – Он хлопает меня по плечу. – В любом случае бесплатная поездка в Эшленд – это неплохо.

Я моргаю.

– В Эшленд?

– Шекспировский фестиваль...

– Я знаю, что такое Орегонский Шекспировский фестиваль, – перебиваю я его. – Какое отношение имеет *нашей* постановке?

– Тебе разве не сказали? – Энтони глядит недоверчиво. – Стиллмонт приняли в программу школьных постановок в этом году. Мы будем представлять «Ромео и Джульетту» в Эшленде в декабре.

В груди становится тесно. Джоди обязательно нужно было выбрать самый престижный шекспировский фестиваль в стране, чтобы вытолкнуть меня на сцену.

– Полезный опыт, черт бы его взял, – бормочу я себе под нос. Я, видимо, побледнела, потому что Энтони смотрит на меня со смесью беспокойства и недоверия.

– Ты отлично справишься. Ты *обязана* отлично справиться. Эта постановка должна быть выдающейся. Туда придут представители Джульярда и будут меня оценивать...

– Я поняла, Энтони! – громко перебиваю я его. – Я просто нервничаю. Как-нибудь разберусь, – говорю я.

Энтони замолкает. Я гляжу на него, ожидая увидеть, как он прячет лицо в ладонях, осознавая катастрофу, в которую я превращу его шансы на поступление в колледж.

Но я замечаю, что он больше не смотрит на меня, и следуя за его взглядом – на светловолосого и возмутительно мускулистого уборщика посуды. Он на вид нашего возраста, но я бы точно заметила *такого* парня в Стиллмонте. Наверное, он учится в одной из частных школ района.

– Боже ты мой, – бормочет Энтони, наблюдая, как тот убирает со стола и направляется в кухню. Я знаю, что означает этот взгляд. Как и я, Энтони влюбляется быстро и часто. Разница в том, что он влюбляется сильно. Он верит, что каждый новый парень – это его судьба, и каждый раз расстраивается, когда отношения не складываются. Впрочем, нет никакого смысла пытаться его остановить.

– Вперед, – говорю я, поднимаясь и пропуская на выход. Не говоря ни слова, он выходит из кабинки.

Я осознаю, что оказалась рядом с группой старшеклассниц, которые, как мне известно, претендовали на роль Джульетты. Алисса Санчез смотрит на меня так, будто мечтает, чтобы я, как Джульетта, закололась кинжалом вот прямо сейчас. Ее свита даже не встречается со мной взглядами.

– Я не проходила прослушивание на эту роль, знаете ли, – говорю я, пытаюсь разрядить обстановку. Вот такие конфликты – как раз одна из причин, почему я предпочитаю быть режиссером.

– Ну, ты ее получила, – холодно отвечает Алисса.

– Это будет полный провал, – пытаюсь пошутить я.

– Да. – Она встает. – Точно.

Пара девушек из ее компании следуют за ней и выходят из кабинки. Я осматриваю комнату, чувствуя себя неуютно – неуместно. Я знаю всех ребят здесь с театральных уроков, где я обычно наблюдаю и режиссирую, но никогда не участвую. А теперь мне нужно играть вместе с ними. Я замечаю в галерее Тайлера и Маделайн, трогательно объединившихся в игре

«Ударь крота». Все остальные, как я вижу, переводят взгляды с Тайлера на меня. С Ромео на Джульетту.

Все, кроме одного парня, который сидит один и что-то энергично пишет в блокнот.

Я узнала его – он новенький в театральном классе в этом году. Он азиат, худощавый, но не тощий, а волосы пора бы подстричь – и сейчас в них задумчиво запускает пальцы; на нем серый свитер по фигуре. Я не уверена, что вообще когда-то слышала, чтобы он разговаривал, но он точно более приятный собеседник, чем прихвостни Алиссы, которые на меня злобно зыркают. Недолго думая, я подхожу и сажусь в кабинку, где кроме него никого нет.

– Оуэн Окита, верно? – Я вспоминаю его имя с совместного урока. Математика в девятом классе, кажется? Я видела его в коридорах с Джорданом Вудом, редактором школьной газеты, который переехал этим летом в Чикаго, но я никогда не обращала на него внимания.

Оуэн моргает, глядя на меня.

– Ты в прошлом году не ходил на занятия по театру, – продолжаю я.

– Я-то в курсе, – говорит он, и голос его меня удивляет. Для парня, который вечно молчит, он звучит на удивление уверенно. – Я совершенно не в своей тарелке.

– На кого ты проходил прослушивание? – спрашиваю я, замечая, что он вертит в пальцах ручку.

– Я просто хотел быть статистом. А вместо этого получил роль брата Лоренцо. То есть – я персонаж.

– Да ладно тебе. – Я улыбаюсь, испытывая облегчение и некое удивление от того, что кто-то еще оказался в моей ситуации. – Брат Лоренцо не важный персонаж.

– Каждый персонаж важен. – Кажется, я его задела.

Я молчу, раздумывая. Оуэн записался в театральный класс на последнем году школы, просто чтобы сыграть статиста?

– Ну, а зачем ты тогда пришел на прослушивание?

– «Ромео и Джульетта». Это, э-э... – Он выглядит смущенным и барабанит ручкой по столу. – Это моя любимая пьеса. Когда я увидел, что ставить будут ее, то я просто должен был присоединиться, но я боюсь сцены, а у брата Лоренцо много реплик.

Я чувствую, как расплываюсь в улыбке, испытывая уважение к этому парню, который может признать свой страх сцены и оценить «Ромео и Джульетту».

– Думаешь, тебе не повезло? Угадай, кто мне достался. – Я тянусь через стол и забираю его ручку, прекращая нервное щелканье. Глаза Оуэна следят за ней, а уши его краснеют.

– Кормилица? – спрашивает он, пряча руки под стол.

– *Кормилица?* Это оскорбление?

– Извини, я... – Его уши горят все ярче.

– Бери выше, – советую я, наслаждаясь тем, как легко его смутить.

Оуэн медлит.

– Меган Харпер, – наконец говорит он, будто только что достал мое имя из дальних уголков памяти. Я гадаю, помнит ли он меня тоже с урока математики в девятом классе, или я ему знакома, как и всем остальным, только потому, что дружу с Маделайн и Тайлером, будущими королевой и королем выпускного. Я практически вижу, как в голове Оуэна мое имя соединяется с ролью в списке.

– Ты – Джульетта... – Он изучает меня. – И ты этому не рада.

– Не-а. – Я возвращаю ему ручку в знак дружбы.

– Наверное, ты единственная девушка в истории школьных театров, которая *нерода* роли Джульетты.

– Не думаю, что в мире есть девушка, которая бы хотела сыграть Джульетту, когда в роли Ромео – ее бывший, – отвечаю я.

Его глаза широко распахиваются.

– А кто играет Ромео?

Теперь моя очередь удивляться.

– Ты что, не знаешь? – Я не думала, что в Стиллмонте хоть кто-то остался не в курсе всех подробностей моего расставания с Тайлером. Если он не знает моей истории, то *явно* помнит меня с урока математики в девятом классе.

– Э-э. А что, должен? – Оуэн выглядит растерянным. Я киваю в сторону Тайлера, и брови Оуэна снова взлетают.

– Ну правда, поверить не могу, что ты не слышал эту историю.

– Мои извинения за то, что я не слежу за сплетнями в мире театралов, – говорит он с легкой улыбкой. Я смеюсь, и его улыбка становится все шире, пока не освещает все лицо. Но прежде чем я успеваю ответить, Энтони оказывается у нашей кабинки.

– Я получил работу, – говорит он и без паузы: – Привет, Оуэн.

– У тебя же уже есть работа. – Я хмурюсь, глядя на Энтони. И тут я замечаю уборщика-блондина, который собирает тарелки на другом конце комнаты, и все понимаю. – Энтони, прошу, скажи мне, что ты не сменил карьеру просто потому, что тебе понравился уборщик.

Он закатывает глаза, но улыбается.

– Работа в «Старбаксе» – это не карьера. И это не ради уборщика – это во имя любви. И у уборщика есть имя – Эрик.

Я уже собираюсь посетовать, что потеряю бесплатные фраппучино, как звенит напоминание на телефоне в сумке.

– Черт, – говорю я вместо этого. Я потеряла счет времени. – Мне надо идти.

– Но еще так рано! Ты даже не поела! – протестует Энтони. Через секунду выражение его лица меняется. – Ах да, пять часов в пятницу, – говорит он, понимая, в чем дело.

Я встаю.

– Мы еще поговорим об уборщике...

– Об *Эрике*, – перебивает меня Энтони.

– ...завтра, – заканчиваю я и киваю Оуэну. – До скорого, брат Лоренцо.

* * *

Я тихо закрываю за собой входную дверь, зайдя домой. Там царит тишина, что в эти дни можно практически считать чудом. Я направляюсь вверх по лестнице и надеюсь, что мама не расстроилась. Я слегка опоздала на наш еженедельный видеозвонок.

Мама живет в Техасе, куда она переехала после того, как они с папой развелись. Точнее, когда *папа* развелся с ней. Я не очень хорошо понимаю, почему это произошло. Я знаю, что их свадьба и мое рождение случились, когда им было всего по двадцать три. Люди разбрасываются словами «непримиримые противоречия», и «слишком молоды», и «разлюбили». Видимо, я не понимаю, каково это – разлюбить. Не *могу* понять. У меня никогда не было даже возможности проверить.

Но я помню день, когда родители усадили меня в гостиной (папа с каменным лицом, а мама – старательно сдерживая эмоции) и сказали мне, что все кончено. Слова «совместное решение» повторялись снова и снова. Они стали звучать фальшиво, когда мама убежала в слезах в ванную, пока папа заканчивал разговор.

Я не переехала в Техас вместе с ней, потому что не могла бросить Стиллмонтскую театральную программу, и она поняла. Я думаю, ей пошло на пользу побыть на расстоянии от любых напоминаний о бывшем муже, включая меня. Но я с тех самых пор, с их расставания три года назад, проводила все летние каникулы в ее квартире в Сан-Маркосе. Хотя я не в восторге от жары под сорок градусов, было здорово помогать ей за прилавком на фермерском рынках и ярмарках, где она продавала свои ювелирные изделия.

Я открываю дверь в свою комнату. Там бардак. Ну конечно же, бардак. Три длинных платья не добрались до шкафа и висят на спинке кровати. Кажется, джинсовую куртку я пыталась добросить до зеленой вешалки в углу, но промахнулась, и она валялась на полу поверх ботинок.

Мой ноутбук погребен под кучей украшений – это следы безуспешных утренних поисков сережек, которые, не сомневаюсь, исчезли в складках дивана Тайлера. Я сметаю все в сторону и отодвигаю наручный будильник. Это «подарок» от папы, который был очень горд этой идеей. С тех пор, как наш дом полтора года назад стал более шумным, я сплю с мощными затычками в ушах, но вставать в школу приходится в 6, так что будит меня этот кошмарный будильник вибрацией.

Я открываю FaceTime на компьютере, быстро приглаживая волосы пальцами.

Мамино лицо появляется на экране.

– Привет! Извини, пожалуйста, что я опоздала, – говорю я поспешно.

– Если бы я ожидала тебя ровно в назначенное время, я была бы не особо внимательной матерью. – Она заправляет темную волнистую прядь волос за ухо. У мамы волосы точно как у меня, только куда пышнее. – Чем занимаешься?

– Да так, сексом без презерватива с парнем, с которым познакомилась в Интернете, – отвечаю я беззаботно.

Мама бледнеет, а затем выражение ее лица возвращается к норме, как только она понимает, что я шучу.

– Не пугай так маму, Меган. Это жестоко.

Ухмыляясь, я продолжаю.

– Честно говоря, я бы предпочла незащищенный секс со странным чуваком из Интернета. Мне пришлось пойти на вечеринку трупы.

Она озадаченно изучает меня.

– Это для одной из твоих сцен?

– Нет, – простонала я. Объясняю ей про «Ромео и Джульетту» и почему мне пришлось пройти прослушивание. – Оказалось, что я... Джульетта, типа.

Мамины брови взлетают.

– Ты пробовалась на главную роль?

– Конечно, нет! Джоди просто самовольничает. Поверь, я была бы кем угодно другим, если бы только она позволила.

Мама усмехается.

– По крайней мере я рада, что не упустила новообретенные актерские притязания своей дочери.

– Нет, ничего нового у меня нет, – говорю я тихо.

Мама смотрит на меня с неким беспокойством на лице, и тут дверь в мою комнату распахивается без предупреждения.

– Меган, что я тебе... – голос папы проникает в комнату, а затем следует и он сам. Он замирает, когда замечает маму. – Ох, точно, извини, – бормочет он, внезапно напрягаясь. – Привет, Кэтрин, – говорит он, оставаясь на пороге комнаты. – Как дела у вас с Рэндаллом?

– Хорошо, – отвечает мама сдавленно, как она всегда говорит с отцом. – Как ты? И Роуз? – добавляет она после секундной паузы.

– Устал. – Он выдавливает подобие улыбки, но выглядит неестественно. – Роуз скоро уходит в декрет.

– Это радостно, – кивает мама.

Папе, кажется, совсем не радостно от этого разговора, и он кладет ладонь на дверную ручку.

– Ну, я оставлю вас наедине. Меган, только убавь звук, пожалуйста.

Я раздраженно вздыхаю и ворчу, что не могу поговорить даже в собственной спальне.

Мама ласково говорит, помедлив:

– Знаешь, ты всегда можешь переехать к нам с Рэндаллом.

Я натужно фыркаю.

– И упустить возможность сыграть Джульетту в дуэте с Тайлером Даннингом?

Мама кривится.

– У-ух, сочувствую тебе. Но правда, – продолжает она, – если там у тебя слишком суматошно, мы тебя с радостью примем.

– Спасибо, мам, – отвечаю я, смягчаясь, чтобы показать, что ее щедрость не осталась незамеченной. Она заслуживает правдивого ответа. – Просто я в Стиллмонтской театральной программе занимаю отличное положение. Я здесь накопила сценические работы, я отвечаю за организацию постановок старшеклассников, а «Ромео и Джульетту» даже приняли в Эшленд. Я должна остаться.

– Что ж... Ты в любой момент можешь изменить решение, если захочешь, – говорит мама неохотно. – А что ты там сказала насчет Эшленда?

– Да ничего такого. Джоди, умница этакая, выдвинула нас на участие в Орегонском Шекспировском фестивале в программе старшеклассников, и они нас приняли, – говорю я, глядя в пол.

– Это звучит очень даже важно, – мамин голос полон энтузиазма. *Ох.* – Когда это? Я хочу приехать!

– Нет, мам, ничего такого, правда, – поспешно возражаю я.

– Соппротивление бесполезно, Меган. Если ты мне не скажешь, когда это, то я узнаю у папы.

Я закатываю глаза, и тут с нижнего этажа доносится истошный плач.

– Кажется, тебя кто-то зовет, – мамини слова звучат поверх визга.

– Что? Ты не хочешь подождать? Это будет продолжаться еще минут двадцать, – говорю я с полуухмылкой, и она смеется. – Поговорим позже, мам.

Я отключаюсь и иду вниз. Источник воя сидит в высоком стульчике в кухне. Моя полуторагодовалая сводная сестра Эрин очаровательна, но легкие у нее такие мощные, что трупша школьного мюзикла бы умерла от зависти. Я останавливаюсь в дверном проеме, желая улучшить мгновение.

Моя мачеха тянется к Эрин. Роуз – высокая блондинка, безупречно красивая. Если она едва выглядит на тридцать, то это потому, что ей и правда едва стукнуло столько. Они с моим папой поженились два с половиной года назад. Я не была в восторге, когда увидела ее в первый раз. Это было всего через несколько месяцев после развода, и я все еще лелеяла детские надежды, что папа передумает и поймет, что мама – его суженая.

Роуз положила этому конец. Когда я узнала, что папа встречается с женщиной на десять лет моложе, то сомневалась в искренности этих чувств. Я решила, что ему исполнилось сорок и он переживает кризис среднего возраста, встречаясь с красивой блондинкой, благодаря которой он чувствует себя молодым. Это было так банально.

Затем я присмотрелась к ним обоим и наконец осознала то, чего не замечала в последние два года рушащегося на моих глазах брака родителей. У него не было кризиса среднего возраста. Он не восставал против института брака. Он просто разлюбил маму. Я видела, как папа улыбался Роуз в тот день, когда я познакомилась с ней, – такой улыбки я у него раньше не видела и поняла тогда, что он никогда не пожалеет о разводе.

Потому что он полюбил Роуз. Дело было не в ее возрасте или чем-то еще – только в том, что было между ними. Он и правда вписался в стереотип – только не тот, который я ожидала. Он нашел свою родственную душу.

– Эй, – оторвался папа от плиты, взмахивая лопаточкой в сторону Роуз. – Я же тебе говорил ни за чем не вставать! – Он смотрит на нее, и на лице его улыбка обожания, как у влюбленного подростка.

Роуз на седьмом месяце беременности.

Она закатывает глаза, но кладет руку на живот, выражение ее лица смягчается, и она садится обратно.

Я должна ненавидеть Роуз. Я должна ненавидеть все в ней. Иногда мне даже этого хочется, но правда в том, что я никогда не испытывала к ней ненависти. Нет ее вины в том, что отношения моих родителей не продлились вечно, как я хотела. Я не обвиняю ее в том, что папа полюбил ее так, как никогда не любил маму. И все же, хоть я и не могу ее ненавидеть, мы с ней ведем себя скорее как немного стесняющиеся друг друга соседи, чем как два человека с одной и той же фамилией.

Папа роняет лопаточку, морщась, когда Эрин издает особо пронзительный вопль, и бежит к ней, чтобы вручить ее любимого плюшевого слоника.

Я даю себе еще секунду. Я люблю Эрин, и я не ненавижу Роуз, но иногда с ними тяжело. Я в последнем классе школы. Мне нужно учиться по вечерам и ходить на вечеринки по субботам. Вместо этого я с трудом фокусируюсь из-за затычек в ушах и необходимости нянчиться с ребенком. Мне следовало бы размышлять о своем будущем, искать себя, а вместо этого я разбираюсь в отношениях с мачехой и отскребаю от учебников детское питание.

Но дело не только в этом. Сложнее всего наблюдать за тем, как папа строит новую жизнь, в которой мое место меньше с каждым днем. Особенно учитывая Эрин и будущего ребенка, создается такое впечатление, будто они просто приютили меня на годик, прежде чем я отправлюсь в колледж. Прежде чем они смогут наконец зажить так, как хотят.

Глава 3

Брат Лоренцо:

Насильственным страстям —

насильственный конец;

В их торжестве — им смерть; они сгорают,

Как порох и огонь.

Я узнаю его прическу со спины за квартал. Черные, зачесанные на одну сторону, будто он только что правой рукой их пригладил. Что, наверное, он и сделал — я помню, как он ерзал за столиком в «Вероне». Будто его руки, когда он не пишет что-то в блокнот, должны непрерывно быть чем-то заняты.

Оуэн Окита идет один, он заворачивает за угол, где огромная лужа залила бордюр — след вчерашнего ливня. Я провела день, смотря и пересматривая в качестве подготовки игру Оливии Хасси в экранизации «Ромео и Джульетты» Дзеффирелли, от чего мой живот только сильнее свело: сегодня первая репетиция.

Я доезжаю до знака «стоп» и опускаю окно как раз тогда, когда Оуэн переходит дорогу.

— Эй, — зову я. — Тебя подвезти? — Мне бы не помешало с кем-то поболтать, чтобы отвлечься от мыслей о репетиции.

Он поднимает взгляд на мой голос. Найдя меня глазами, с удивлением в них он отвечает:

— Нет, но спасибо.

Я сжимаю губы в обиженную гримасу.

— Я сегодня ходила в душ, знаешь ли. Не пахну.

— Дело не в... — Он мотает головой, осекаясь. Его брови дрогнули в притворном любопытстве. — А что, люди часто с тобой отказываются ехать из-за запаха?

Не могу сдержаться — мои глаза распахиваются шире.

Оуэн выглядит довольным, что я не нашлась, что ответить.

— Мне просто нравится ходить пешком, — объясняет он. — Дает мне время поразмышлять.

Я пожимаю плечами, приходя в себя.

— Тебе же хуже. К твоему сведению, я сегодня даже воспользовалась кокосовым гелем для душа. Я пахну *великолепно*. — Я проезжаю мимо него, успев увидеть в зеркало заднего вида, как он раз или два моргает, а затем шагает прямо в лужу. И резко опускает взгляд, будто только вспомнил, что она там.

* * *

Спустя десять минут я въезжаю на парковку, где меня уже ждет Маделайн.

Хоть ее все обожают и она могла бы выбрать себе в друзья кого угодно — от капитана команды чирлидеров до лучшей ученицы параллели, Маделайн выбрала меня. Почему-то. Я бы даже не назвала ее популярной, если не считать строго словарного значения этого слова. Ко мне относятся довольно хорошо, но большинство знает меня только через нее.

Отчасти поэтому я не против своей репутации школьной кокетки. Потому что это хотя бы *какая-то* репутация. А не просто «девочка, которая дружит с Маделайн».

Стоит мне подойти к ней, стоящей у велосипедной части парковки, как она вместо приветствия изливает свои впечатления от прошедших выходных. Она провела субботу за организацией благотворительной распродажи выпечки, а воскресенье просидела целый день дома из-

за дождя, складывая карточные домики и попивая горячий шоколад в компании своей сестры и Тайлера. Тайлер никогда не проводил время с моей семьей, когда мы с ним были парой – но не то чтобы с Эрин очень весело, если вы, конечно, не любитель подтирания носов и непрерывного отмывания всего, что попадает в ее ручки, хоть они и очень миленькие. Но у Тайлера и Маделайн отношения совсем другие. Полагаю, что когда у людей такие отношения, то даже скучные занятия становятся прекрасными.

Мы заходим в коридор со шкафчиками, и мое внимание сразу привлекает Уайятт Родс, который любит свои волосы в зеркало, повешенное им в свой шкафчик. Такого тщеславия я еще не видала.

Но я его не виню. Я им и сама залюбовалась, и даже нечестно, что ему требуется зеркало, чтобы увидеть то, что остальные видят просто так.

– Меган, – отвлекает меня голос Маделайн. По дружелюбному, но строгому выражению ее лица понятно, что она меня поймала с поличным.

– Что, если у него богатый внутренний мир? Людям нужно давать шанс, – слабо возражаю я.

Маделайн хватает меня за локоть своими пальцами с идеальным персиковым маникюром.

– Номер два. В списке, – наставляет она. Она тащит меня мимо Уайятта. Я не отказываю себе в том, чтобы глянуть на него напоследок через плечо. Мы заворачиваем за угол, оставляя Уайятта и его бицепсы позади, Маделайн останавливается посередине коридора. Она хватает меня за плечи, чтобы я смотрела ей прямо в глаза.

– На этой неделе мы идем на футбольный матч, – говорит она безапелляционно.

– Что? Почему? – У меня абсолютно отсутствует интерес к организованным видам спорта, особенно в школе. За исключением случаев, когда официальная форма – это плавки.

– Потому что так я буду точно знать, что ты не рядом с Уайяттом Родсом в пятницу вечером.

Я корчу гримасу.

– Ты хуже моей мамы. Что такого в том, чтобы немного повеселиться с парнем, даже если этот парень... Ну, Уайятт?

Группа девочек помладше, с которыми Маделайн, думаю, и не говорила ни разу, с энтузиазмом машет ей. Она улыбается в ответ, а потом снова смотрит на меня.

– Ничего такого в том, чтобы повеселиться с Уайяттом, – отвечает она с видом порицающего целомудрия. – Но ты не повеселиться хочешь, Меган. Это не то. Ты хочешь отношений и ищешь парня где попало, потому что пробыла в одиночестве дольше обычного. Но Уайятт Родс не сделает тебя счастливой. Ты это знаешь.

Я замолкаю, не в силах спорить. Конечно же, она права. Это же Маделайн.

– Я не подойду к Уайятту, – неохотно обещаю я. – Но на футбол я тоже *пойду*, – заявляю я. Маделайн сухо улыбается.

– Еще обсудим, – говорит она, кивая с видом, будто этот разговор еще не окончен. Она идет вниз по коридору на первый урок.

Направляясь ко входу в мой класс, я замечаю в конце коридора Оуэна. Свитер его перекошен – предполагаю, из-за того, что ему пришлось спешить, чтобы не опоздать в школу. Он кладет в шкафчик стопку бумаг. Один лист падает на пол, и я узнаю в нем выпуск школьной газеты. Кажется, у него две или три копии. Я догадываюсь, что он, наверное, посылает их Джордану, потому что ему хочется иметь копию.

Наверняка это непросто, когда в старшем классе твой ближайший друг переезжает в другой штат. Хотя идеальные советы Маделайн раздражают, я не могу представить, какой потерянкой бы себя чувствовала, если бы она однажды переехала и я бы осталась тут. У меня такое впечатление, что Оуэн не только из любви к «Ромео и Джульетте» присоединился к театраль-

ному кружку. Наверное, он пытается найти новых друзей. Я отмечаю про себя, что надо пригласить его за обедом присоединиться к столу, за которым сидят ученики-театралы.

Он торопливо сгребает вещи из шкафчика и несется к двери в класс, но перед самым входом останавливается. Будто не в силах сдержаться, он вытягивает блокнот и быстро записывает что-то – что? Наблюдение? Идею? Напоминание? Последовательность Фибоначчи⁵? На мгновение я ощущаю желание узнать это.

Я тянусь к двери в свой класс, раздумывая над словами Маделайн. Она не ошибается – не только насчет Уайятта. Я уже давно одна. И я правда очень хочу найти парня. Если я переживу сегодняшний день, то как следует поразмыслию над тем, как найти того, кто будет мне небезразличен и кому не буду безразлична я.

* * *

До первой репетиции «Ромео и Джульетты» еще несколько часов, а меня уже тошнит. Или хочется исчезнуть. Или все одновременно.

Но вместо этого я пытаюсь делать вид, что меня ничего не беспокоит, и сажусь к одному из кружков ребят-театралов, которые устроились на холмике снаружи театрального класса на обед. Здесь все, кроме Энтони, который все без исключения обеденные перерывы использует для того, чтобы делать уроки наперед. Я однажды пробовала провести с ним это время, но закончилось все тем, что библиотекарь выгнал меня за слишком громкие и частые жалобы на то, какая скучища эта геометрия.

Мне всегда нравилось сидеть с ребятами из театрального кружка, проговаривая строчки ролей и планируя вечеринки труппы. Но не сегодня. Мне неприятно, что все взгляды обращаются в мою сторону, когда я сажусь.

– Ты наверняка, типа, в полном восторге, – говорит Дженна Чоу, сияя улыбкой с противоположной стороны кружка. Ее энтузиазм такой же заразительный, как головная боль, и такой же приятный.

– Я... Ну да, определенно в восторге, – говорю я вяло. *Брр*. Если мои актерские способности будут такими на репетиции, то этой постановке конец.

Я замечаю на себе пристальный взгляд Алиссы.

– Знаешь, я играла Джульетту в летней постановке в городском театре. Я бы *с удовольствием* показала тебе свои заметки. – Она натягивает на лицо приторную улыбку.

Я улыбаюсь ей в ответ, тоже неискренне.

– Спасибо, но я в порядке, Алисса.

Дженна тянется, передавая мне тарелку с печеньем, которая ходит по кругу.

– Мне кажется, в паре с Тайлером не так уж сложно играть Джульетту. – Ее ухмылка становится шире.

– Это не первый раз, когда между Ромео и Джульеттой искры летят, – вставляет Кейт Доусон, поднимая брови. – Вы же даже были вместе раньше.

Конечно, именно в этот момент входит Маделайн, рука об руку с Тайлером. Я вижу, как ее улыбка поблекла, и понимаю, что она слышала комментарий Кейт. Что еще хуже, я не настолько рассеянная, чтобы не заметить, что ее это задело.

Мне нужно срочно разрядить обстановку.

– Я последняя, у кого могут быть искры с Тайлером. Это уже давно пройденный этап, не так ли?

Девочки смеются, и Маделайн мне благодарно улыбается.

⁵ Целые натуральные числа, расположенные в числовой последовательности таким образом, что каждое последующее число является суммой двух предыдущих чисел. Объясняет многие законы мироздания и другие закономерности.

– Да уж, изобразить влюбленность в Меган, – начинает Тайлер, оглядывая круг людей, будто он на сцене, – это будет самое настоящее испытание моих актерских способностей. – Он озаряет зрителей своей самой пленительной улыбкой, и я вспоминаю строки из «Гамлета» – «можно с улыбкой вечно злодеем быть»⁶.

Хотя я уже не влюблена в Тайлера, это вовсе не значит, что его оскорбления не ранят.

* * *

Горечь от слов Тайлера не ослабла к концу дня. Когда я дохожу до театрального класса, снаружи сидит Оуэн, делая записи в своем блокноте. Снова. Все уже внутри, и я решаю насладиться еще парой минут вне общества Тайлера.

Я останавливаюсь около него.

– Готов продавать наркотики несовершеннолетним девушкам?

Оуэн поднимает голову, и его темные глаза расширены:

– Что?

– Ну, знаешь, – я пинаю его обувь своим ботинком, – брат Лоренцо?

Он медлит, а потом спрашивает с притворной серьезностью:

– Ты готова вступить в запретные отношения с неуравновешенным подростком, которые закончатся ужасно для всех? – Его черты застывают в выражении любопытства с вызовом и толикой смеха.

⁶ Цитата из пьесы Уильяма Шекспира «Гамлет» в пер. А. Кронеберга.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.